

Мила Иванова

Прозрачные реки, черные берега

В поезде, на плацкартной боковушке, ты полулежа читаешь один абзац уже несколько часов. Тебе стыдно было сказать родителям, что денег у вас едва хватает, стыдно было просить помочь с обратным билетом. Визиты к семье теперь невыносимы, все смотрят на тебя так жалостливо, будто перед ними ходячий мертвец. Но тебя коробит от их жалости. Все с тобой хорошо, хорошо же? Он будто слышит твои мысли. Загорается экран мобильного. Говорит, что встретит на вокзале. Предлагает приготовить что-то к твоему приезду. Ты расплываешься в улыбке, представляешь вкусный салат или жареное мясо. Теплый кухонный свет льется на серую, застиранную простынь. Но тут он пишет, что зарплата будет только завтра. Просит скинуть на мясо и овощи. Ты высылаешь последние 600 рублей. Все замолкает. У тебя внутри, у вас в переписке.

В руке у него одна красная роза в целлофановой обертке. Он улыбается, обнимает тебя так сильно, что ребра ноют и не хватает воздуха. В самом начале отношений он спрашивал, какие твои любимые цветы. Это правда были трупно-красные розы в целлофане? В такси он говорит, что ничего не приготовил, потому что прибирался. Ты уверяешь, что ничего страшного, и вы придумаете что-нибудь на месте, но внутри тебя все вянет и покрывается скользкой гнилью. Добро пожаловать домой.

На разложенном диване разметалась сморщенная желтоватая простынь. По липкому полу ты идешь вымыть руки. Душевая кабина, съевшая все пространство в ванной, в мыльном налете, в поддоне мутная серо-коричневая жижа с ниточками свалявшейся пыли на поверхности. Резко отворачиваешься к раковине, вытираешь мокрые руки о джинсы и выходишь.

— А что с ванной? Я думала принять душ...

— Там все работает. — Он резко выдыхает. — Это все из-за твоего приезда, я прибирался в квартире, мыл полы, разве ты не видишь?

Ты опускаешь взгляд на пол в разводах. Чувствуешь, как горло сжимает спазм тошноты, но ничего не говоришь в ответ. Понимаешь, что нужно как-то разрядить обстановку, успокаиваешь себя, что сможешь исправить это в течение следующих дней и ругаешь за то, что осталась у родителей на неделю дольше.

— Я пойду в магазин, нужно приготовить ужин. Можно взять твою карту?

— Зачем она тебе?

— Ну... я перевела тебе последние деньги.

— Я купил тебе цветы! Мы ехали от вокзала на такси! — Кажется, это вместо признания, что денег уже нет.

— Хорошо, давай приготовим ужин из того, что есть.

На ужин вы едите вареные яйца с огурцом.

В какой момент ты оказалась в этой ловушке? Может быть, сразу, когда решила оставить ему свой номер? Или когда согласилась на переезд? А может, твой мир сужался и чернел постепенно? Он медленно отрезал тебя от любых внешних контактов, загоняя все глубже в темное ничто его дома. Шаг за шагом проверял тебя на прочность. Проверял, как далеко он сможет зайти.

Однажды он написал, что вечером встретится с друзьями, но не предложил тебе приехать. Ты уже привыкла к его задержкам по вечерам и спокойно ответила, что не против. Хотя он не спрашивал, а ставил перед фактом. На следующий день он описывал одну из девушек в компании, показывал фото. Она сидела у него на коленях.

— Саша оделась как-то даже чересчур развратно, такое облегающее платье, глубокий вырез.

— Ммм, — ты не знала, как реагировать на это, впала в ступор. Для чего он это говорил? Чтобы вызвать ревность? Ты не ревновала, просто ощущала, как щеки горят от стыда, как тебе паршиво и приятно одновременно. Как хочется его ударить и сказать, что никогда его не отпустишь. Он внимательно следил за твоей реакцией, доводил разговор до абсурда. Предлагал и тебе купить что-то такое, чтобы стать похожей на Сашу, потому что он ее хочет. Ты просто молчала, и это выводило его из себя.

Как-то он спросил о твоих сексуальных фантазиях. Тебе было неловко признаться, что у тебя их нет. Тебе достаточно просто взаимного тепла, заботы, обычного секса с чутким партнером, который учитывает и твои желания тоже. Конечно, этого ты не сказала. Отчасти потому, что боялась очередной волны осуждения, отчасти потому, что хотела казаться опытной и искушенной в его глазах. Хотела, чтобы он тебя хотел. Пальцы похолодели оттого, что нужно было срочно что-то придумать, и ты выплюнула самую близкую к языку мысль: «Может быть, секс в парке?» У него эта идея не задержалась надолго, и он начал рассказывать тебе свои. Весь этот разговор был начат, чтобы он рассказал тебе свои желания, а ты их исполнила. Он хотел, чтобы ты надела парик. Да, у тебя красивые волосы, но лучше будет с рыжими. Еще лучше, если ты подстрижешься и покрасишься, тогда и парик не понадобится. «Купить тебе краску? В общем, кроме этого здорово было бы надеть мини-юбку и черные леггинсы, можно даже без белья, а наверх лифчик с пушапом. Как тебе?» Тебе стало мерзко и обидно, ты понимала, что ему не нужна ты, ему нужна красивая фантазия, он просил, чтобы ты сделала ему тульпу, нарядила ее, как надо, и отдала ему. Ты сказала, что если ему больше не нравится с тобой, то пусть он купит себе резиновую куклу и нацепит на нее какой угодно парик.

Это была первая ваша серьезная ссора. Не из-за причины, но из-за изощренности, с какой он подошел к твоему наказанию. Он просто вышел из квартиры и не появлялся

неделю. Не отвечал на звонки, не заходил в мессенджеры. Все его друзья клялись, что не знают, где он. Дни в неизвестности были похожи на то, как если бы ты падала в огромную черную пропасть, но никак не могла упасть. А упасть хотелось. Разбиться вдребезги, растечься розоватой лужицей, лишь бы это закончилось, лишь бы ничего больше не чувствовать. На седьмой день мышцы сводило от тремора, сон был беспокойный и неглубокий, возвращавший тебя в реальность с бешено колотящимся сердцем. Тебе просто хотелось, чтобы это кончилось. Хотелось, чтобы с ним все было хорошо. Чтобы он сдох в подворотне. Чтобы он вернулся и обнял тебя. Ты дошла до ближайшего магазина и купила бутылку наугад. От первого глотка все внутри загорелось — рюмок у вас не было и ты налила себе треть кружки. Когда допила, налила еще половину. На середине бутылки все вокруг стало мыльным, тело приятно обмякло, а мышцы наконец перестали сжиматься. Ты дошла до дивана и проспала до следующего дня.

Тебя разбудил его голос. Он держал в руках недопитую бутылку и тряс ей у тебя над головой. Тебя накрыло горячей липкой патокой из страха, стыда и облегчения. Ты не злилась, сил не осталось. Хотелось просто почувствовать рядом его горячее тело. Ты встала и потянулась к нему, он дернулся в сторону. «Я что, живу с алкоголичкой? Это давно у тебя? Господи, ты просто омерзительна!» Из глаз хлынул поток слез, все лицо моментально стало мокрым. Ты еще раз приблизилась к нему, но он отошел и сел в кресло, сложив руки на груди. Ты упала к подлокотнику и заплакала еще сильнее, шептала извинения и плакала. Он с самого начала любил делать тебе больно, но на полу в слезах ты еще не видела, как сильно ему нравилось сидеть перед тобой сложа руки и просверливать в тебе дыры льдистой чернотой глаз. Возможно, это тяга к самоуничтожению влекла тебя к нему? Ты ненавидела себя настолько, что постоянно вертела в голове мысль: «именно так тебе и надо, только этого ты и заслуживаешь».

После ужина ты идешь разбирать вещи. Он подходит и разворачивает тебя лицом к себе. Гладит тебя по щекам, по волосам, по губам. У него теплые мягкие пальцы. Внутри шуршит что-то такое же мягкое и пушистое.

— Ну, иди сюда, — только и произносит он, снова поворачивая тебя спиной и задирая юбку. Ты привычно подавляешь протест. Ты устала, тебе противно от вида грязного белья на диване, ты не готова. Но он уже облизал пальцы и отодвинул трусы. Ночью ты снова не можешь уснуть, идешь в кухню. За полотенцами припрятана небольшая бутылка. Наливаешь немного, для хорошего сна, запиваешь водой. С первого раза прошло уже достаточно времени, чтобы ты научилась пить украдкой, постоянно жевать вишневый «Эклипс» и не давать ему поводов на себя орать. Каждый день становится легче, если в животе плещется хотя бы половина кружки. Отключается рубильник критического мышления и улетучивается желание спорить. Все в тебе становится мягким и податливым, готовым тут же подчиниться его воле. Рыжее каре ведь тоже тебе идет.

С недавнего времени он постоянно говорит о детях. Настаивает на сексе без презервативов. Словно ребенок, канючит: «Подари мне Машеньку, она будет такая красивая, неужели тебе не хочется?» Нет, тебе не хочется. Твои нервы уже на пределе, и ты застряла в порочном круге из тревожности, алкоголя и еще более сильной тревожности. Как можно хотеть детей, живя в съемной квартире на деньги, которых едва хватает двоим? У тебя лезут волосы, забивая рыжими нитями слив душевой, на лице проступает сосудистая сеточка, кожа рук красная и саднит. Ты нашла еще один способ справляться с тревожностью — точнее, еще одну уловку, чтобы успокоиться хотя бы на пару минут. Подцепить ногтем или зубами краешек кожи на пальце и потянуть. Звук рвущейся кожи и приятное чувство избавления от нее — только это волнует тебя в данный момент. Кожа уже не успевает заживать, она отходит все легче, а розового пространства становится все больше. Взгляд сфокусирован на пальцах, остальное расплывается и теряет смысл. Голова пустая, как

надутый шарик. Останавливаешься только, когда все вокруг ногтей красное и саднит. Теперь можно выдохнуть и заняться делами.

Ты лежишь на диване с книгой и слышишь, как в коридоре что-то гремит. Упала вешалка? Спрашиваешь, все ли в порядке. В комнату заходит он, в руках блистер с таблетками.

— Что это? — По телу пробегает разряд электричества, в голове гул.

— Ты рылся в моей сумке?

— Какого черта ты пьешь таблетки, если мы решили завести ребенка?

— Мы ничего не решали... — но ты не успеваешь договорить, он подлетает и дает тебе пощечину. Шок, стыд, обида, ты не можешь поверить, что это сейчас происходит с тобой. Он толкает тебя на спину, начинает щипать за бедра, быстро поднимаясь выше. Кожа моментально краснеет и наливается синим. Ты задыхаешься, просишь прекратить. Он дает тебе вторую пощечину и говорит заткнуться. Ты вся — комок боли. Тогда он тащит тебя в ванную, сует в руки блистер и заставляет выдавить все таблетки в унитаз. Ты делаешь, что он просит. Он берет тебя за подбородок и запрокидывает его вверх, смотрит прямо в глаза:

— Пообещай, что больше не будешь их принимать.

— Хорошо, ладно.

И все заканчивается.

Пока он в душе, ты опустошаешь кружку. Вода, «Эклипс», спать. Сквозь сон ты чувствуешь, как на тебя наваливается его тяжелое влажное тело. Трусов уже нет, между ног тысячи игл. Он вдавликает тебя в подушку. Нечем дышать. Но ты и не хочешь.

На следующий день ты едва отлепляешь себя от дивана, не совсем понимая, утро сейчас или уже вечер — за окном серые облака и дождь. На тебе по прежнему нет трусов, ты находишь их в складках дивана. Руки еле слушаются, сердце колотится так сильно, что

пульсация раздается в ушах. Бутылка почти пустая, ты допиваешь остатки из горла, закусывая почерневшим бананом. Одеваешься, чтобы купить хотя бы «Эскапел». Дергаешь ручку двери и понимаешь, что она заперта. Перед глазами темнеет, ты ищешь ключи в сумочке, ищешь в коридоре, в комнате. Звонишь ему. Он не берет трубку. Ловушка захлопнулась.

Вечером он приходит в приподнятом настроении, с тремя зацелофаненными розами.

— Привет! Как прошел твой день?

— Ты запер меня?

— Что? Да нет, должно быть, это случайно.

— Верни мои ключи. Сейчас же.

— Я их не брал. — Лицо вытягивается и мрачнеет. — Если ты настроена ссориться, пожалуйста. Я купил нам еду на ужин, пойду приготовлю.

Он выходит, а тебя начинает трясти от злости, от беспокойства и безысходности. Перед глазами только черная пелена, идущая радужной рябью.

Ты поднимаешься и выходишь в коридор. На тумбе лежат твои ключи. Ты знаешь, что днем их там не было. Ничего не говоря, ты выдыхаешь и прячешь их в карман.

На тесте две полоски. Ты видишь свой самый страшный сон, который теперь такой же реальный, как и звон стеклянного горлышка о кружку. Ты выпила «Эскапел» на следующий день, в продуктовом вместе с хлебом и яблоками купила еще две бутылки. Позвякивание стекла в пакете и таблетка в животе настолько успокоили тебя, что ты и вправду подумала, что все обошлось. Что не стоило так сильно переживать. Голые ветки деревьев скребут по стеклу. Он в соседней комнате смотрит фильм. Все рушится. Нужно успокоиться, нужно поговорить с ним. Нужно срочно избавиться от этого.

Тебе тяжело дышать, воздух спертый, поднимается волнами. Ты не идешь к нему, а сворачиваешь в кухню. Прислушиваясь к звукам за стеной, достаешь бутылку, наливаешь. Выдох. Глоток.

Ты все еще у столешницы, тупо уставилась на кружку, теперь там вода, недопитая бутылка спряталась за полотенцами. Он выходит из комнаты, предлагает вскипятить воду для чая. Ты киваешь, выбрасываешь жвачку в урну. Поворачиваешься к нему и смотришь прямо в глаза. Он не понимает, что значит этот взгляд. Он его еще не видел. Ты никогда не смотрела на него с ненавистью.

— Я беременна.

— Ты серьезно? — Он тает, подхватывает тебя, кружит на месте. Когда он опускает тебя, ты теряешь равновесие и хватаешься за столешницу. Перед глазами все плывет.

— Я не хочу этого ребенка.

Он молчит. Молчание раскаляет воздух сильнее. Он хватает тебя за предплечье и с силой сжимает, ногти впиваются в кожу. Он тащит тебя в комнату и толкает к дивану. «Как ты можешь так говорить, мразь? Это мой ребенок. Ты не имеешь права даже думать об этом!» Ты тупо смотришь в пол, тебе уже не страшно. Тебе никак. Все тело ватное, мысли вязкие. Он подходит к тебе и задирает футболку, больно щиплет за грудь, а затем разворачивает и начинает стаскивать штаны. Ты пытаешься повернуться на спину, отползти, бьешь, как тебе кажется, по его рукам. Он хватает тебя за шею и впечатывает в пыльную обивку. Другой рукой стаскивает штаны, ставит тебя на колени. Вспышка боли такая яркая, что ты захлебываешься скопившимися в горле соплями. Он кончает быстро. Приносит полотенце, сам вытирает стекающую между ног слизь. Ты замечаешь, что на ткани остались розоватые разводы.

На следующее утро в голове кристальная ясность. Так больше нельзя. С тобой так больше нельзя. Проверяешь карман толстовки, ключи на месте. Звонишь подруге, с которой

перестала общаться с переездом к нему. Занимаешь деньги и говоришь, что все расскажешь.

Просишь прощения, плачешь, обещаешь скоро приехать.

В клинике тускло, много людей. Ты ходишь из кабинета в кабинет. Бумажки, анализы, УЗИ, поставить печать, поставить подпись, красная струйка крови в колбочке. Пять недель. Тебе дают таблетку.

Дома тебе так спокойно, словно все привычные чувства атрофировались. Ты ласкова до отвращения. Предлагаешь посмотреть пеленки и боди. С лица у тебя не сходит улыбка. Ты разыгрываешь этот фарс день за днем. Он удивлен перемене и рад, что ты приняла правильное решение. Каждый вечер он покупает тебе фрукты, делает массаж и гладит живот, не подозревая, что там лишь вторая таблетка и сгустки крови. Он не смеет трогать тебя, как раньше, и ты незаметно меняешь прокладки. Другой сразу заметил бы перемену в твоём поведении и забеспокоился. Но не он. Он просто подумал, что все наконец наладилось.

После финального осмотра ты возвращаешься из клиники, открываешь нараспашку окна, медленно обходишь квартиру и складываешь свои вещи в дорожную сумку. Сначала думаешь просто заблокировать его и никогда не появляться в его жизни, но не можешь. Тебе хочется задеть его, хочется причинить хотя бы 1/10 того вреда и боли, которые он причинил тебе. Ищешь листок, но на глаза попадает подаренная тобой книга. Ты вырываешь форзац и пишешь на нем: «Все кончено». Рядом кладешь договор из клиники. Едешь на вокзал.

Когда поезд трогается, ты видишь, как загорается экран мобильного — это он. Но привычный электрический разряд тонет где-то внутри, тело накрывает спокойная усталость. Сбрасываешь звонок, блокируешь его в мессенджере, вытаскиваешь симку. Минуту повертев ее между пальцами, бросаешь в открытую форточку. Ложишься на белую шершавую простынь и засыпаешь.